

— Ты имеешь в виду... — Цзи Жань, услышав это, встревожился.

— Именно так, — кивнул Лу Чжэнь. — Один шаг — к добродетели, один шаг — к гибели. Добро и зло разделяет лишь миг. Лу Чаньюань, похоже, загнан в тупик.

— И что же? — нервно дёрнулась бровь Цзи Жана.

— Я только что заметил, что в правом рукаве у него спрятан кинжал, должно быть, купленный у того разносчика, — закончив, Лу Чжэнь многозначительно усмехнулся.

Цзи Жань сообразил, что к чему, и глаза его вдруг округлились.

— Ты хочешь сказать, что Лу Чаньюань задумал убить Тао Юаня? Раз уж дошло до мыслей об убийстве, почему бы ему не донести властям?

— Не доносит, значит, на то есть причины, — фыркнул Лу Чжэнь. — Должно быть, у него есть какой-то грязный секрет, который может быть раскрыт. Не забыл тот случай в роще?

Цзи Жань, конечно, не забыл. Вспомнив детали, он с опозданием кивнул.

История с Лу Чаньюанем была лишь небольшим эпизодом, который быстро прошёл.

Однако Цзи Жань запомнил её. Как говорится, загнанная в угол собака перепрыгнет через забор, а уж укусит ли она в безумии кого попало — кто знает? На всякий случай бдительность не помешает — бережёного, как известно, и бог бережёт.

Несколько дней прошли тихо и спокойно, и Цзи Жань уже начал расслабляться, но, как оказалось, зря — чуть не стал жертвой бешеной собаки. Правда, этой собакой был не Лу Чаньюань, а Лэн Сянлянь, которую после полугода заточения в дровяном сарае вдруг, неизвестно как, выпустили на волю.

Эта женщина, должно быть, от пережитого тронулась умом. Когда-то она сама украла новорождённого, чтобы заживо закопать, а теперь, в своём безумии, кричала, что ищет сына.

Цзи Жаню просто не повезло. В тот день, увидев, что солнце светит ярко, он решил вынести ребёнка погреться, да заодно проверить, как растут новые саженцы в теплице. Но по пути прямо перед ним, выскочив из ворот семьи Лу, оказалась Лэн Сянлянь.

Полгода в сарае без возможности умыться превратили её в грязную, вонючую и взъерошенную чучелу, от былой красоты не осталось и следа — выглядела она лет на десять старше своего возраста. Грубо откинув прядь волос с лица, она уставилась на ребёнка в объятиях Цзи Жана.

— Сынок? — Лэн Сянлянь, должно быть, перенесла некие мучения, и голос её звучал хрипло, словно разбитый гонг. — Сынок! Мой сынок!

С воплями она бросилась вперёд и ухватилась за верхнюю часть тела ребёнка. Цзи Жань, застигнутый врасплох, не успел увернуться, и они начали бороться, каждый тяня к себе свою половину. Ребёнок, испугавшись, залился громким плачем. Цзи Жань, опасаясь, как бы малыш не пострадал, во время этой тянучки всё время прикрывал его собой, за что получил от Лэн Сянлянь несколько царапин и укусов на плечах и шее.

Как нарочно, в тот день Лу Чжэнь был занят и не сопровождал их, потому-то Цзи Жань и пострадал.

Но он всё же был мужчиной, пусть и subtilным, — не чета какой-то женщине. Сначала он опешил, но, придя в себя, лягнул её ногой.

Сбитая с ног Лэн Сянлянь не унималась, сквозь рыдания выкрикивая что-то о ребёнке и снова пытаясь броситься на Цзи Жаня, чтобы отнять его. К счастью, шум привлёк внимание деревенских, и несколько мужиков, подскочив, скрутили Лэн Сянлянь, так что та не достигла цели, лишь завывала и вырывалась ещё яростнее.

И что странно: из дома выбежала сумасшедшая, орет и буянит у ворот уже который час, а в доме семьи Лу никто даже не выглянул — словно и не ведают, что творится. Очевидно, такое отношение означало, что Лэн Сянлянь выпустили намеренно, позволив ей буяннить. Возможно, её и впрямь нарочно выпустили.

Цзи Жань, немного поразмыслив, догадался, что корни этого — в той встрече с Лу Чаньюанем в городе. Что там про козырь в лице Тао Юаня, что там про загнанную в угол собаку... Очевидно, мысли некоторых людей не укладываются в обычные рамки.

А выпустили Лэн Сянлянь, должно быть, чтобы разыграть карту ребёнка.

Сообразив это, Цзи Жань не мог не порадоваться своей былой прозорливости — он оформил усыновление по всем правилам у деревенского старосты, да ещё и включил в условия тот факт, что семья Лу пыталась заживо закопать и разможжить ребёнка. Так что даже если дело дойдёт до суда, он не останется внакладе.

Но комар хоть и кусает не больно, а надоедает. Снова оказаться под прицелом этой семейки было чертовски неприятно.

После этой истории он сам был покусан, ребёнок напуган до истерики, так что о походе в поле не могло быть и речи. Пока деревенские удерживали Лэн Сянлянь, Цзи Жань, обняв ребёнка, отправился домой, но в душе у него закипала ярость.

Раньше он хотел просто позволить семье Лу самой добить себя, но раз уж они так рвутся навстречу гибели, почему бы не подтолкнуть их?

Вернувшись домой, Цзи Жань передал ребёнка тётушке Чэнь, велел Чжан Пину обработать ему раны, после чего сразу отправился в кабинет, разложил бумагу, растёр тушь и написал письмо, которое поручил Ли Гую доставить прямо в управу области Ичжоу.

До управы области Ичжоу не то что до уездной управы — в одну сторону несколько дней пути.

Но даже за эти несколько дней семья Лу умудрилась устроить новую пакость.

А именно: Лэн Сянлянь среди ночи покинула дом семьи Лу, впотьмах добралась до усадьбы Цзи и повесилась прямо перед воротами.

Оставим в стороне прочие неприятности, но ведь Новый год на носу! Случилось такое — просто дурная примета.

Цзи Жань, получив утром это известие, чуть не взлетел на небеса от ярости. Не мог он понять, отчего семейка Лу так падка на скандалы, да ещё каждый раз устраивает их, когда Лу Чжэня нет дома.

Но как бы он ни злился, разбираться всё равно пришлось. Цзи Жань успокоил дыхание, строго-

настрога наказал тётушке Чэнь не выносить ребёнка на улицу и вместе с дядей Чэнем и остальными отправился ко входу. Когда он подошёл, семья Лу, прослышав о случившемся, уже была на месте. Тело ещё висело на перекладине, но они и глазом не повели, подняли вой — старшие рыдают, младшие режут — и закатили настоящее представление.

— Боже правый! Какие же грехи за наши прегрешения?! Здоровый человек, и вдруг без причины повесился?!

— Сянлянь! Как же ты могла так жестоко бросить меня с детьми?!

— Мама! Ма-а-ма!

— Невестка...

Семья Лу всей гурьбой, кроме детей Лу Цзыюаня и Лу Ваньсюэ, набросилась на усадьбу Цзи, даже не взглянув на тело Лэн Сянлянь, и давай вопить и причитать, устроив настоящее шоу.

Цзи Жань, стоявший внутри ворот, лишь нервно подёргивал бровью.

Чжан Пин и дядя Чэнь бросились было снимать тело, но Цзи Жань остановил их.

— Не трогать, — холодно сказал он. — Чжан Пин, немедленно скачи в уезд и сообщи властям. Пока не приедут служивые, никто не смеет прикасаться.

Услышав это, семья Лу заволновалась, но Цзи Жань бросил на них ледяной взгляд.

— Хотите скандалить — пожалуйста. Забирайте тело сами, хороните или жгите — ваше дело. Ко мне это отношения не имеет.

Едва Цзи Жань договорил, как Лу Чангэн подскочил и, трясаясь от негодования, тыча пальцем в Цзи Жаня, завопил:

— Мой здоровый человек вдруг повесился у твоих ворот — значит, на то есть великая несправедливость! Думаешь, отмахнёшься словами «не имеет отношения»?! Не бывает этому!

— Мама! Хочу к маме! Ма-а-ма!

В отличие от взрослых с их тёмными замыслами, дети же просто обнимали ноги Лэн Сянлянь и рыдали, и слёзы их были искренними, душераздирающими.

Какими бы ни были члены семьи Лу, как бы ни была подозрительна смерть Лэн Сянлянь, в тот момент безутешные рыдания двух детей трогали до слёз.

Гнев, подкативший было к горлу Цзи Жаня, застрял там. Взглянув на детей, он сжалился и, не вступая в пререкания с семьёй Лу, стал дожидаться, пока староста приведёт чиновников.

Однако Цзи Жань успел мельком окинуть взглядом собравшихся членов семьи Лу. Все, стар и млад, были налицо, не хватало лишь Лу Чаньюаня. Без его науськивания тут явно не обошлось, даже если он сам и не появился — Цзи Жань в этом не сомневался.

Не говоря уж о прочем, но в тот день в городе взгляд Лу Чаньюаня, устремлённый на ребёнка, уже таил в себе расчёт. Цзи Жань и тогда почуял неладное, и явно, и тайно принимал меры, несколько дней был настороже, но не ожидал, что в итоге разразится такое смертельное дело.

И ведь специально подговорили сумасшедшую повеситься именно здесь — вот она, злонамеренность, налицо.

Цзи Жань уже не просто испытывал к семье Лу крайнее отвращение — он прямо-таки жаждал, чтобы с небес грянули молнии и смели с лица земли эту семейку уродов. Впрочем, как только Ли Гуй выполнит свою задачу, этой семье придёт конец. Раньше он не разоблачал их, во-первых, чтобы сдержать через Тао Юаня, не давая им буяннить, а во-вторых, чтобы набрать побольше доказательств укрывательства разыскиваемого преступника. Когда грянет катастрофа, посмотрим, как они будут скандалить.

До властей было далеко, и ждать пришлось целый день. Когда Чжан Пин наконец привёл чиновников, был уже вечер. И, как назло, Ли Гуй, отправленный с донесением в Ичжоу, вернулся вместе с ними, да ещё и прихватил с собой служивых из управы области Ичжоу.

Увидев, что собрались обе группы, Цзи Жань повёл глазами и вдруг улыбнулся.

<http://bllate.org/book/16271/1464641>